

Русские летописи как источник по истории Тюменского ханства

Ключевые слова: Шибаниды, летописи, источники, источниковедение.

Аннотация. Данная статья содержит в себе опыт источниковедческого анализа основных событий в истории Тюменского ханства конца XV – начала XVI вв. В сравнительном ключе были рассмотрены сведения, содержащиеся в русских летописях; проведена краткая классификация летописных сводов, привлечены данные об их происхождении.

Корпус источников, отражающих историю Тюменского ханства на данном этапе исследований, представляется весьма фрагментарным. Это обстоятельство вполне коррелируется с тем, что Тюменское ханство, возглавлявшееся потомками Шибана, пятого сына Джучи, наименее известно среди прочих аналогичных тюрко-татарских ханств и имеет немалое количество «белых пятен» в своей истории. Наибольшая удаленность от Московского великого княжества, слабые внешние контакты, неразвитость политических структур обеспечили слабое отражение его истории в отечественном летописании.

Между тем, вместе с восточными источниками, материалами из записок западноевропейских путешественников XV–XVI вв., дипломатической перепиской, русские летописи являются наиболее крупной информационной базой, в которой, однако, неравномерно размещены сведения по истории ханства второй половины XV – начала XVI вв.

Информацию из русских летописей можно условно поделить на две категории. Первая – прямые данные. Это события 1475, 1480–1481, 1496–1497, 1499, 1505 гг. Здесь содержатся непосредственные данные, отражающие «внешнюю» историю ханства. Вторая – косвенные. К ним можно причислить события 1483–1484 и 1487 гг. Здесь летописцами были отмечены факты касательно похода московских полков в Сибирь, и смещение казанского хана Илгاما, ставшее камнем преткновения на переговорах Москвы и Тюмени в 1489-м году.

Условно русское летописание XVI века можно подразделить на основное московское (или общерусское), или локальное (вологодско-пермское, западнорусское, северорусское и др.). Наиболее крупным летописным сводом середины XVI века стала Никоновская летопись, написанная на основе нескольких десятков списков, доводящая свое повествование вплоть до 1560 года [Клосс, 1980, с.10]. К ней примыкают такие своды, как Симеоновская летопись, Иоасафовская и др. Еще одним общим сводом, законченным в последнем десятилетии XV века, стал Московский летописный свод, в котором большое внимание было уделено взаимоотношениям Московского великого княжеств и Новгорода [ПСРЛ, т.25, с.3].

Вологодско-Пермское летописание можно назвать одним из крупнейших локальных. М.Н.Тихомиров, исследуя списки, пришел к выводу, что все они были составлены в середине XVI века [Тихомиров, 1979, с.139–140]. Исследуя летописные известия, историк обратил внимание, что статьи летописи за XII–XIV вв. содержат заимствования из Софийской I и Симеоновской летописей [Тихомиров, 1979, с.141–143], однако интересующие нас отрывки (разгром хана Ахмата, поход русских войск в Сибирь и др.), по мнению М.Н.Тихомирова, исходят «из третьего источника». Автором было выдвинуто предположение, что сведения взяты «из каких-то летописных заметок, составленных на севере Руси при дворе епископа Пермского Филофея», или «из летописных известий московского происхождения, большей частью в редакции продолжения Симеоновской летописи (до 1493 г.)» [Тихомиров, 1979, с.143]. Б.М.Клосс, исследовавший краткие вологодско-пермские летописи, некоторые фрагменты из которых не вошли основной свод, отметил влияние московского летописания [Клосс, 1976, с.267]. Таким образом, эта локальная ветвь имела заимствования как из центрального летописания, так и самостоятельные источники информации, прежде всего данные о сибирских походах. Отметим, что сравнительный анализ известий из Вологодско-Пермской и Симеоновской летописей показал отсутствие в последней данных о приведении в подданство югорских князей. Тем не менее, сведения, касающиеся событий в Московском княжестве, фактически идентичны в обоих сводах [Тихомиров, 1979, с.143–144].

Локальным является и Устюжское летописание, содержащее в себе схожие с вологодско-пермским сводом известия 1483–1484 гг. К.Н.Сербина, занимавшаяся его исследованием, отметила в качестве протографа местную устюжскую летопись, не сохранившуюся до наших дней, которая выступала как хроника с кратким перечислением всех важнейших событий региона. По мнению исследовательницы, в ней же были размещены и результаты походов на Югру и Обь 1483–1484 и 1499 гг. [Сербина, 1985, с.10–11]. Из этой местной летописи в первой половине XVI века был сформирован Устюжский летописный свод, ставший впоследствии основной для Архангелогородского летописца, который наряду со списком Мациевича был в 1982-м году опубликован в ПСРЛ. А.А.Шахматов, А.Н.Насонов, а затем и К.Н.Сербина полагали, что в основе Устюжского свода лежали общерусский и ростовский своды [Сербина, 1985, с.50–51].

К.Н.Сербина обратила внимание и на местную версию «стояния на Угре», в которой «с одной стороны, нет обвинения в измене братьев и показана растерянность Ивана III, а с другой – не содержится осуждения Софии и бывших с ней в «беггах». В качестве объяснения ей было предложена версия о составлении данного отрывка уже после примирения Ивана III с Софьей [Сербина, 1985, с.63]. При этом автор не обратила внимания на обстоятельства смерти хана Ахмата и последующего визита посла хана Ибака князя – Чюмгура [ПСРЛ, т.37, с.95]. Примечательно, что этот момент более нигде не отражен в летописании. Несомненно, по итогам посольства была составлена посольская книга, материалы которой каким-то образом попали именно в провинциальный свод, а не общерусский; сама книга не сохранилась.

Среди фрагментарных известий о Тюменском ханстве нельзя не отметить события русского похода на Обь в 1483 году, которые нашли отражения в Архангелогородском летописце [ПСРЛ, т.37, с.95], Вологодско-Пермской летописи [ПСРЛ, т.26, с.275] и Вычегодско-Вымской летописи [Вычегодско-Вымская, 1958, с.262], причем в первом летописце фигурирует фраза: «А воиводы великаго князя отошли вниз по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирьскую землю» [ПСРЛ, т.37, с.95]. Отметим, что упоминание о походе весьма обширно, но не нашло отражения в центральном летописании. По мнению К.Н.Сербиной, подобные «записи вполне могли дать и устюжские попы, которые вместе с устюжанами принимали участие в походах», используя в качестве примера поход устюжан на Казань в 1469 г., в числе которых был поп Иван, гипотетический автор наблюдений о походе [Сербина, 1985, с.10]. Схожая ситуация могла возникнуть и при составлении рассказов об экспедиции на Обь.

К указанному походу относится и обширная историография [Каргалов, 1983, с.177–182; Рябина, 2007, с.37–38; Маслюженко, 2008, с.94; Парунин, 2010, с.268; Маслюженко, 2011, с.35–50], по разному трактующая итоги и этапы данного похода. Интересные подробности приводит Б.М.Клосс, анализирующий в своей статье краткие летописцы, предшествующие основному вологодско-пермскому летописанию. В одном из них, описывающим событие до 1489 года, упомянуто буквально следующее: «В лето 6992. Великого князя воеводы ходили князь Федор Курьбской да Иван Салтык Травин на Вогуличи, на Асыку да на Юмшана, с Вологжаны да со Устюжаны. И бияся Юмшан и убежа в лес; и побиша многа татар Тюмеских и Сибирь плениша и одолеша» [Клосс, 1976, с.270]. Упоминание о «побиша многа татар Тюмеских» придает иной контекст походу, результаты которого, видимо, не отразились на отношениях Тюменского ханства и Ивана III.

Русское летописание характерно тем, что предоставляет и косвенные данные, позволяющие очертить некоторые аспекты внешней политики Сибирских Шибанидов в конце XV века. С этим напрямую связаны события вокруг смещения казанского хана Илгاما. Сам факт политического переворота в Казанском ханстве нашел отражение практически во всех летописных сводах [ПСРЛ, т.12, с.218; т.25, с.331; т.39, с.164; Книга, 1850, с.4 и др.]. Эта история получила продолжение в дипломатических отношениях Москвы и Тюмени. Во время визита осенью 1489 года посольства от ногаев и Сибирских Шибанидов во главе с князем Чюмгуром прозвучало следующее требование со стороны представителя хана Ибака: «С Алегамом царем меж вас крепкая правда и слово было, и тебя, к слову пряма, слышел есми; и яз ныне тех слов правду познаю: Алегама царя ко мне отпустите, оба одного отца дети» [Посольская книга, 1984, с.18]. Нежелание Ивана III отпустить бывшего хана стало камнем преткновения на переговорах, и не позволило разрешить проблемную ситуацию, в итоге отношения Москвы и Тюменского ханства не претерпели изменений. Таким образом, дополняющие друг друга косвенные и прямые сообщения источников позволили глубже заглянуть не только во внешнеполитические перспективы потомков Шибана, но и отметить некоторые детали во взаимоотношениях Московского великого княжества и тюрко-татарских ханств.

Обширные сведения содержатся также в общерусских сводах. В них нашло отражение походы младшего брата Ибак-хана-Мамука – на Казань весны – поздней осени 1496 года. Причем этот сюжет получил наибольшее отражение в источниках [Летописец, 1781, с.158–159; ПСРЛ, т.12, с.242–243; т.24, с.213; т.26, с.290; т.39, с.170–171; Иоасафовская летопись, 1957, с.131–132 и др.]. Примечательно, что все события, так или иначе касающиеся политических событий в Казани, находили максимальное отражение в летописях, особенно временная потеря контроля зависимого ханства.

Никоновский свод и Иоасафовская летопись оставили наиболее подробные свидетельства о произошедшем. Оба источника подвергались тщательному изучению. Один из первых крупных исследователей Иоасафовской летописи – А.А.Шахматов предположил, что вторая часть рукописи, освещающая события с 1437 г. по 1520 г., явилась основой при составлении Никоновской летописи [Шахматов, 1904, с.70–71]. Б.М.Клосс в своей монографии о Никоновском своде, приводя разноречивые мнения коллег¹, все же пришел к следующему выводу: «Иоасафовская летопись была специально написана для использования в качестве источника в завершающей части основной редакции Никоновской летописи» [Клосс, 1980, с.74].

Интересным представляется появление практически идентичного упоминания о походах Мамука в Софийской Первой летописи. Так, по мнению Б.М.Клосса, помимо сведений Иоасафовской летописи, в Никоновский свод была включена начальная часть Воскресенской летописи с известиями до 1521 года [Клосс, 1980, с.8]. В одной из своих более поздних работ исследователь, анализируя Воскресенскую летопись и Список Царского, пришел к выводу, что отредактированный в первой половине XVI в. текст Списка явился основой для составления Воскресенской летописи [Клосс, 1984, с.25–37; ПСРЛ, т.39, с.3]. Таким образом, единый текст, посвященный походу на Казань, стал возможен благодаря генетическому единству общерусских летописных сводов, источниками которых являлись протографы друг друга. Впоследствии рассказ в укороченном виде попадает в Типографскую и Вологодско-Пермскую летописи. Примечательно, что один и наиболее ранних (начало XVI в.) вологодско-пермских летописцев, приводя сведения 1490-х гг., ни разу не упоминает о рассматриваемом нами походе [Клосс, 1976, с.278–282]. Походы на Казань первоначально не нашли отражения в локальном летописании, появившись лишь после оформления их в общерусских сводах.

После не слишком удачного казанского похода, вероятно, дипломатические отношения прекратили свое оформление, и история Тюменского ханства в источниках постепенно сходит на нет, за исключением нескольких фрагментов. Одним из них является упоминание об Агалаке царевиче «Мамуковом брате», чей поход упоминается в Никоновской и Софийской летописях [ПСРЛ, т.12, с.250; т.39, с.172]. Интересен и тот факт, что устюжско-вологодская летописная традиция не упоминает об этом походе, который, кстати, закончился неудачей и больше представлял из себя обычный набег. Зато осталось упоминание о практически единовременном приходе на Казань ногаев, которые «стояша ... под Казанью три недели и, граду не успев ничто же, возвратишася во свояси» [ПСРЛ, т.12, с.253; т.26, с.294]. Но в местном, устюжском летописании, был зафиксирован еще один случай набега со стороны Шибанидов: «А приехал в неделю цветную, а в понедельник на страстной недели рать пришли без вести ис Тюмени, Кулук салтан Ивака царев сын з братьею и з детми. Города не взяли, а землю Нижнюю извоивали, а Усолье на Каме русаков вывели и высекли» [ПСРЛ, т.37, с.99]. Упоминание представляется уникальным, поскольку иные сообщения отсутствуют. Вероятно, это было связано с географической локализацией набега, в итоге ставшего фактом лишь для местных летописей. После этого всяческие упоминания в русских летописях о Тюменском ханстве отсутствуют.

Фрагментарные сведения о Шибанидах последних лет XV века находятся в корпусе сибирских летописей, ставших оригинальным источником, имеющим абсолютно иную природу происхождения известий по истории средневековой Сибири, а также времени ее завоевания русскими войсками. В сибирском летописании, в котором наиболее ранней является Есиповская летопись, фиксируются легендарные известия о якобы местной татарской династии Тайбугидов и ее взаимоотношении с потомками Шибана. Происхождение и источники Есиповской и ряда других летописей, а также известий в них стали объектом пристального изучения. В частности, из современных работ можно отметить исследования Я.Г.Солодкина и Д.Н.Маслюженко [Маслюженко, 2010, с.5–33, Маслюженко, 2010а, с.9–21; Солодкин, 2005, с.48–53; Солодкин, 2007, с.77–84 и др.].

¹ Так, А.Е.Пресняков предположил, что не сама Иоасафовская летопись была источником для Никоновской, а ее протограф. Затем его поддержал А.А.Зимин, выявивший некоторые разночтения в статьях указанных источников. Б.М.Клосс, разобрав доводы оппонентов, счел их незначительными [Клосс, 1980, с.30–31].

Один из первых исследователей сибирского летописания Г.Ф.Миллер отмечал в качестве их источников устные предания, «которые сибирские татары получили от своих предков». По мнению исследователя, эти «предания вскоре после завоевания Сибири были записаны и вошли в состав сибирских летописей» [Миллер, 1999, с.185]. К числу этих преданий принадлежит и Тайбугидская легенда, которая, по версии Д.Н.Маслюженко, стала попыткой легитимизации своего правления в Сибири и поднятия статуса в глазах соседних тюрко-татарских ханств [Маслюженко, 2008, с.104–105; Маслюженко, 2010а, с.9–10]. В связи с этой гипотезой автором также была предпринята попытка с схожей позиции исследовать отношения Тайбугидов и Шибанидов [Парунин, 2011, с.72–77], кратко упоминаемые в Есиповской летописи [ПСРЛ, т.36, с.32, 47, 81, 108 и др.]. Несмотря на некоторые источниковедческие сложности, неясность происхождения оригинального источника, сибирское летописание уникально благодаря своей независимости от общерусского, и в связи с этим упомянутые сведения не могут быть проигнорированы, несмотря на ряд сомнений в их достоверности.

В качестве заключения нельзя не отметить еще один оригинальный летописный свод – История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Наше внимание здесь привлёк следующий абзац, посвященный смерти казанского хана Сафа-Гирея в 1549 году: своим трем женам он «роздели имение свое равно царское и отпустит повеле во отечество свое: болшая поиди въ Сиберь, ко отцу своему Сиберскому царю; другая же в Асторохань, ко царю своему отцу; 3 же въ Крымъ, къ братей своей, княземъ Ширинскимъ» [ПСРЛ, т.19, стб.56; Трепавлов, 2009, с.370–395]. В связи с этим свидетельством В.В.Трепавлов предположил, опираясь еще на одни косвенные данные², что речь идет о потомке хана Ибака – Кучуме либо же о его отце Муртазе [Трепавлов, 2009, с.383], которые могли в то время находиться (или править) Чимги-Турой. Д.М.Исхаков, указав на известие Казанского летописца, допустил возможность присутствия Муртазы в Чимги-Туре на момент смерти Сафа-Гирея, вместе с тем подчеркнул неясность политического статуса сибирских территорий в середине XVI века. По мнению исследователя, Тайбугиды могли находиться в зависимости либо от Шибанидов, сидящих в Чимги-Туре в то время, либо подчиняться узбекским Шибанидам Бухары [Исхаков, 2010, с.46]. Откровенно говоря, подобные выводы представляются весьма сомнительными: даже если мы допустим факт существования «царей» в Чимги-Туре, из-за фрагментарности известия не совсем ясно свидетельство ли это легитимного статуса конкретных правителей-династов из дома Шибана либо это упоминание о князьях из династии Тайбугидов. Вполне возможно, что источник сведений не был в курсе происходивших событий и отметил факт государственности северо-восточных соседей казанского хана, не вникая в детали.

Прояснить некоторые спорные моменты в данном случае помогает определение идеологической позиции Казанского летописца, основным сюжетом повествования которого стали взаимоотношения Казанского ханства и Москвы в середине XVI века, приведшие в итоге к поражению первого. Д.Н.Альшиц, анализируя летопись, отмечает, что «конструкция произведения должны были подчеркнуть, что разгром и уничтожение Казанского царства являются справедливым и даже гуманным возмездием за разгром и унижение Руси, учиненные татарами в прошлом» [Альшиц, 1974, с.289]. На схожие мотивы обратила внимание Г.Н.Моисеева, отметив также, что автор Казанской истории демонизирует образ ханства, выставляя его подданных заговорщиками, поддерживающих врагов формирующегося самодержавия и лично Ивана IV [Моисеева, 1953, с.268–269]. Здесь видим своего рода социальный заказ эпохи, где формируется идеологический вектор «правильного» отношения уже царской Москвы к осколкам некогда враждебной Золотой Орды. Естественно, тенденциозность сюжета распространилась и на оставшиеся ханства, о чем свидетельствует упомянутый выше отрывок, где жены Сафа-Гирея удобно отправляются в Астраханское Крымское и Сибирское ханства, неся тем самым отпечаток враждебного настроения по отношению к бывшему даннику татар. Немаловажным представляется и время написания сочинения – 1570-е гг.³ – время ухудшившихся отношений Москвы с лидером Сибирского ханства Кучумом, начавшим нападения на вотчины Строгановых. Эти факты вполне мог использовать автор при написании летописи, од-

² Как пишет исследователь, «в русской дипломатической документации конца XVI в. встречаются упоминания о существовании неких «царей» «на государстве Сибирском» еще во времена Василия III (первая треть XVI в.) – и до взятия власти Кучумом» [Трепавлов, 2009, с.383].

³ Г.З.Кунцевичем, чья монография вышла в 1905 году, отмечено 152 списка Казанской истории [Кунцевич, 1905, с.12], некоторые из которых составлены в первой половине XVII века, либо в середине [Кунцевич, 1905, с.13–18]; большинство списков датируется XVIII-м веком [Кунцевич, 1905, с.19–43].

нако, чтобы не нарушать хронологию изложения, он лишь туманно намекнул на преемственность «супостата» Казани в лице беспокойных соседей.

Подводя некоторые итоги, стоит отметить следующие обстоятельства. Во-первых, образ Тюменского ханства в отечественном летописании представляется «внешним», т.е. отмечающим глубоко внешнеполитическую деятельность (в основном, военные походы и набеги): составители летописных списков не касались внутренней жизни периферийных политических объединений. Исключение может составлять сообщение Архангелогородского летописца о дипломатическом визите посла хана Ибака – князя Чюмгура – в Москву в 1481-м году, после разгрома большеордынского хана Ахмата, где князь великий «посла Ивакова чествовал и дарил и отпусти ко царю с честью, а царю Иваку теш послали». Эта важная деталь позволила зафиксировать дипломатические отношения между двумя государствами, дарообмен, и социальную стратификацию в лице «князя» Чюмгура. В целом же, иные свидетельства летописей представляются стереотипными, даже несмотря на довольно подробное описание правления хана Мамука в Казани.

Во-вторых, разность известий, обуславливаемая географическим фактором и сложившейся традицией летописания в центре (Москве) и на периферии (Пермь, Вологда и др.). С этим фактором связаны прежде всего сибирские походы русских ратей в конце XV века. По мнению специалистов, источниками в данном случае могли являться представители духовенства, сопровождавшие войско и отмечавшие детали похода. Однако плюсом центрального летописания (например, Никоновский свод) являлось пристальное внимание за деятельностью Казанского ханства, в контроле за которым были заинтересованы и Шибаниды. Все это приводит к мысли о желании хана Ибака и его преемников участвовать в региональной политике, что и подтверждается иными аутентичными источниками – посольскими книгами.

В-третьих, некоторые интересные детали добавляют косвенные свидетельства (к примеру, пленение казанского хана Али), а также летописи, в основе которых лежали оригинальные известия (сибирский свод и Казанский летописец), фиксация которых могла быть связана как с тенденциозностью повествования, так и легендарным происхождением оригинальных статей.

Список источников и литературы

Альшиц, 1973 – Альшиц Д.Н. «Слово о гибели Рускыя земли» и «Казанская история» // Летописи и хроники. 1973 г. М.: Наука, 1974. С.286–292.

Вычегодско-Вымская, 1958 – Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С.257–271.

Иоасафовская летопись. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. – 243 с.

Исхаков Д.М. Сибирский юрт в конце XV века – начале 1560-х гг.: ханство или княжество? // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. / Б.Р. Рахимзянов [отв. ред.]. Вып.2. Казань: Изд-во «Ихлас», 2010. С.43–47.

Клосс, 1976 – Клосс Б.М. Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники 1976. М.Н.Тихомиров и летописеведение. М.: Наука, 1976. С.264–282.

Клосс, 1980 – Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. – 313 с.

Клосс, 1984 – Клосс Б.М. Список Царского Софийской I летописи и его отношение к Воскресенской летописи // Летописи и хроники. 1984 г. М.: Наука, 1984. С.25–37.

Книга, 1850 – Книга, глаголемая Летописец Федора Кирилловича Нормантского // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн.5. М., 1850. С.3–148.

Корецкий, 1981 – Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. В.И. Татищев и изучение русского летописания. М.: Наука, 1981. С.223–243.

Кунцевич, 1905 – Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1905. – 682 с.

Летописец, содержащий в себе Российскую историю. М., 1781. 196 с.

Маслюженко, 2008 – Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Изд-во Курган. гос.ун-та, 2008. – 168 с.

Маслюженко, 2010 – Маслюженко Д.Н. Возможности использования Сибирских летописей для реконструкции идеологии Сибирского княжества Тайбугидов // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Коллективная монография. Ч.5 / Под общей ред. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск, 2010. С.5–33.

Маслюженко, 2010а – Маслюженко Д.Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизация генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. статей. / Б.Р. Рахимзянов [отв. ред.]. Вып.2. Казань: Изд-во «Ихлас», 2010. С.9–21.

- Маслюженко, 2011 – Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Поход 1483 г.: летописные реалии и исторические реалии // Сибирский сборник. Вып.1. Казань: Яз, 2011. С.35–50.
- Миллер, 1999 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 630 с.
- Моисеева, 1953 – Моисеева Г.Н. Автор «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. IX. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1953. С.266–288.
- Молявина, 2007 – Молявина Е.Ю. Источниковая база исследований по истории Сибирского юрта во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Сулеймановские чтения: материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 18–19 мая 2007 г.) / А.П. Ярков [ред.]. Тюмень: СИТИ ПРЕСС, 2007. С.57–58.
- Парунин, 2010 – Парунин А.В. Дипломатические контакты Московского великого княжества и Тюменского ханства в 1480-е – начало 1490-х гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. статей. Вып. 2 / Р.С. Хакимов и др. [ред.]. Казань: Изд-во «Ихлас», 2010. С.266–274.
- Парунин, 2011 – Парунин А.В. Дискуссионные моменты гибели лидера сибирских Шибанидов Ибакхана // Сулеймановские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 13–14 мая 2011 года) / под ред. А. П. Яркова. Тюмень: Универсальная типогр. «Альфа-Принт», 2011. С. 72–77.
- Посольская книга, 1984 – Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. / В.И. Буганов [отв. ред.]. М.: Институт истории СССР, 1984. – 87 с.
- ПСРЛ, т.11 – ПСРЛ. Т.11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1897. – 258 с.
- ПСРЛ, т.12 – ПСРЛ. Т.12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью. СПб., 1901. – 266 с.
- ПСРЛ, т.18 – ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. – 328 с.
- ПСРЛ, т.19 – ПСРЛ. Т.19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903. – 303 с.
- ПСРЛ, т.24 – ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Петроград, 1921. – 275 с.
- ПСРЛ, т.25 – ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. – 458 с.
- ПСРЛ, т.26 – ПСРЛ. Т.26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1959. – 416 с.
- ПСРЛ, т.36 – ПСРЛ. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. – 383 с.
- ПСРЛ, т.37 – ПСРЛ. Т.37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1982. – 235 с.
- ПСРЛ, т.39 – ПСРЛ. Т.39. Софийская Первая летопись по списку И.Н.Царского. М.: Наука, 1994. – 209 с.
- Рябинина, 2007 – Рябинина Е.А. Сибирский поход 1483 года: к проблеме взаимоотношений России с Тюменским ханством // Емельяновские чтения: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Курган, 2007. С.37–38.
- Сербина, 1985 – Сербина К.Н. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л.: Наука 1985. – 137 с.
- Солодкин, 2005 – Солодкин Я.Г. «...А се написах к своему исправлению» (Синодик «Ермаковым казкам» и Есиповская летопись) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. №2 (20). С.48–53.
- Солодкин, 2007 – Солодкин Я.Г. «Краткое описание о Сибирстей земли...»: место возникновения и соотношение с новым летописцем // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. №1 (27). С.77–84.
- Тихомиров, 1979 – Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. – 387 с.
- Трепавлов, 2009 – Трепавлов В.В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран / С.Г. Кляшторный [ред.]. М.: Восточная литература, 2009. С.370–395.
- Шахматов, 1904 – Шахматов А.А. Иоасафовская летопись // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1904, май. СПб., 1904. С.69–79.
- Шмидт, 1951 – Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т. VII. М.-Л.: 1951. С.258–299.

А.В. Парунин

РУС ЕЛЪЯЗМАЛАРЫ ТӨМӨН ХАНЛЫГЫН ӨЙРӘНҮДӘ ЧЫГАНАК БУЛАРАК

Ачкыч сүзләр: Шәйбанитлар, елъязмалар, чыганаclar, чыганаclarны өйрәнү фәне.

Аннотация. Мәкаләдә XV гасыр азагы – XVI гасыр башында Төмән ханлыгында булган төп вакыйгалар яктыртылган чыганаclarга анализ бирелә. Төрле рус елъязмаларында теркәлгән Төмән ханлыгы турындагы мәгълүматлар чагыштырма планда анализлана: елъязмаларның язылу тарихы һәм аларның бүленеше бирелә.

A.V. Parunin

**THE RUSSIAN CHRONICLES AS A SOURCE
ON HISTORY OF THE TYUMEN KHANATE**

Keywords: Shibaniids, chronicles, sources, source study.

Annotation. This article comprises experience of the source study analysis of the main events in the history of the Tyumen khanate of the end of XV – the beginnings of the XVI centuries. In a comparative key the data containing in the Russian chronicles were considered; short classification of the annalistic arches is carried out, data on their origin are attracted.

Парунин Алексей Владимирович – кандидат исторических наук (г. Шадринск, Курганская обл.).

E-mail: therion12399@gmail.com

Парунин Алексей Владимирович – тарих фәннәре кандидаты (Шадринск шәһәре, Курган өлкәсе).

Parunin Alexey Vladimirovich – candidate of historical sciences (Shadrinsk, Kurgan Region).